

Н. Г. Кириенко

ПОЭЗИЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА И ФИЛОСОФИЯ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА

Освещается влияние немецкого романтизма и немецкой философии на творчество Ф. И. Тютчева. С опорой на работы С. Франка, Д. Чижевского, Ю. Лотмана и др. анализируются переключки с философией Шеллинга, с поэзией немецких романтиков (Шлегеля, Эйхендорфа, Тика, Кернера).

Ключевые слова: *Ф. И. Тютчев, немецкий романтизм, лирика, философия.*

Русский поэт Ф. И. Тютчев многое воспринял от немецкой культуры, получив образование в Московском университете, общаясь с членами философского кружка «Общество любомудрия» В. Одоевским, Д. Веневитиновым, А. Хомяковым, братьями П. и И. Киреевскими, А. Кошелевым, С. Шевыревым, ставившими перед собой задачу объединения поэтического творчества с философским идеализмом. В среде любомудров господствовала немецкая философия, прежде всего Кант, Фихте, Шеллинг, Окен. Так, Л. В. Пумпянский выделял основные темы Тютчева с явной ориентацией на философскую систему Шеллинга, в которой поэт видел квинтэссенцию «романтической метафизики, стремящейся одним грандиозным мифом охватить и природу, и человечество» [1, с. 438]. Любомудры обсуждали мысль о необходимости построения самостоятельной русской философии, считая это залогом самобытности и нравственной свободы России.

Во второй половине своей жизни, вернувшись в Россию, Тютчев, как мыслитель и идеолог, оказался близок к славянофилам. Славянофилами называли себя в то время и бывшие любомудры И. и П. Киреевские, А. Кошелев, А. Хомяков и др., лелеявшие идею превосходства славянства (во главе с Россией) над духовно вырождающимся Западом. Славянофильство точнее было бы назвать русофильством, которое утверждало своеобразный тип русской культуры на почве восточного православия и противопоставляло его западному типу культуры и католичеству. Тютчев писал об особой связи православия и государства, об идеале Греко-Римской Православной Империи, в которую должна «раскрыться» Россия. Но, как отмечает Ю. М. Лотман, «Тютчев, при всей сложности его мировоззрения и даже при его увлечении столоверчением, не был ни мистиком, ни иррационалистом» [2, с. 840]. В письме к своей жене Эрнестине Федоровне от 1/13 апреля 1854 г. поэт, абсолютно рационально анализируя исторические события, с тревогой сообщает о неминуемой для России, а значит, и православной церкви, и славянства (что являлось для Тютчева неким триединством) войне, которая будет объявлена ей революционным Западом [3, с. 173].

Ю. М. Лотман приводит слова Вяземского о Тютчеве, в которых «славянофильство» последнего трактуется только как «распространение нашего (россий-

ского) политического владычества», чтобы «укрепить за нами еще кое-что из земного шара» [2, с. 841]. Ведь Тютчева, судя по воспоминаниям современников и письмам самого поэта, тяготило «вновь обретенное отечество»: русская деревня, равнина и дорога вызывали у него ужас. В России «места немилые, хоть и родные» (Тургенев заменил позднее «немилые» на «печальные»), «бедные селенья» навевают на него тоску – «ни звуков здесь, ни красок, ни движенья», – тогда как природа Швейцарии задевает его «западную жилку» и вдохновляет поэта «любоваться с истинным умилением» красотами европейской природы [2, с. 841].

Личностное становление Тютчева прошло в Германии, где восемнадцатилетним юношей он поступил на службу в русской миссии в Мюнхене. Спустя двадцать два года он окончательно вернулся в Россию, когда ему шел уже пятый десяток. Поэтому его духовное развитие остается для нас загадкой. Только исходя из оставленного Тютчевым поэтического наследия, мы приходим к каким-либо выводам относительно его интересов в мюнхенский период жизни, о связях с немецкой литературой и духовной атмосферой того времени, когда Германия была средоточием европейской культуры. Ушли из жизни Кант, Гердер, Шиллер, Моцарт; Гегель, Шеллинг, Гете и Бетховен еще продолжали творить. Завершался необыкновенно плодотворный период немецкого романтизма. Тютчев, получивший блестящее образование, был как равный принят в немецких интеллектуальных кругах. Молодой русский дипломат познакомился с Шеллингом, идеологом немецкого романтизма, и вел с ним философские споры. Несколько раз в Мюнхене он встречался и затем переписывался с Гейне.

Уникальность Тютчева как поэта состоит в том, что в его лирике необычным образом уживаются немецкая и русская культуры, Восток и Запад. Немецкая культура была отчасти усвоена им еще в России с подачи В. А. Жуковского. В «Германии туманной» поэт общался либо на немецком, либо на французском – языке дипломатии того времени, смотрел на те же ландшафты, которые вдохновляли поэтов и философов Германии, читал и переводил немецкую поэзию; обе жены поэта были немками по происхождению.

В своей статье «Тютчев и немецкий романтизм» Д. И. Чижевский отмечает, что поэт предпочитал ос-

таваться в Германии, снова и снова был гоним из России, как он выражался, «Herausweh» (тоской и желанием находиться вне [России]). «Сложно определить, в чем же заключалась эта «Herausweh»; но Тютчев, вне всякого сомнения, нашел что-то родное в немецкой культуре, так как обстановка, с которой он очень свыкся, постоянно привлекала его» [4, с. 610]. Этот факт не мог не сказаться на «картине мира» Тютчева, нашел свое воплощение и в его поэзии.

Если отталкиваться от положения Ю. Д. Апресяна о языковой картине мира, то становится очевидным, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира» [5, с. 25], а значит, восприятие мира носителями разных языков пропущено через призму национального языка. Таким образом, можно предположить не только изменение угла зрения Тютчева-дипломата, смещение личностных координат восприятия объективной действительности, но и легко объяснить умение Тютчева создавать в своих стихах образы прошлых культур. «Образная ойкумена» Тютчева, как отмечает К. Г. Исупов, – «не монолитный континент романтизма, но архипелаг различных культур: антично-ренессансная аллегорика, барокко, классицизм, сентиментализм – вплоть до неоромантической символики и импрессионизма» [6, с. 11].

Остановимся на чертах лирики Тютчева, сближающих его с немецкими романтиками.

Одним из главных их теоретических положений было объединение искусства с философией. В «трансцендентальной философии» Шеллинга заключено наиболее чистое выражение романтической эстетики. Понятие гения, который один способен производить шедевры, совмещая в своем творчестве свободу и необходимость, становится ключевым. Искусство, особенно поэзия, представляется «органом» философии, так как она объективирует трансцендентальную интуицию.

Задача поэта, который ставится выше философа, сводится к тому, что он должен уловить «непостижимое», пророчествовать, «предчувствовать состояния мира, как повелось от библейско-евангельской апокалиптики» [6, с. 12].

Приведем определение гения у Ф. Шеллинга: «Это вечное понятие человека в Боге, как непосредственная причина его (человеческого. – Н. К.) продуцирования, есть то, что называют гением, как бы *genius*, обитающее в человеке божественное. <...> Поэтому каждый художник и может продуцировать не более того, что связано с вечным понятием его собственного существа в Боге» [7, с. 82]. Сам гений, по Шеллингу, содержит в себе «предустановленную гармонию между сознательным и бессознательным»; для эстетики он – то же, что Я для философии, а именно наивысшее, абсолютно реальное, которое, никогда не становясь объективным, служит причиной всего

объективного» [7, с. 83]. Таким образом, гений у Шеллинга становится универсальной, едва ли не космической категорией.

В стихотворении Тютчева «Лебедь» (1828–1829) [8, с. 48] Лебедь сравнивается с Орлом. Это распространенная метафора, представляющая образную оппозицию Орла и Лебедя, символизировавших два типа романтического мировосприятия: активный (Орел) и созерцательный (Лебедь); это два гения, черпающие вдохновение в различных космических энергиях. В этой связи вспоминается стихотворение немецкого романтика Августа Вильгельма Шлегеля «Lebensmelodien» («Мелодии жизни») [9], написанное им в 1799 г.: оно состоит из 80 строк и представляет собой чередующиеся монологи лебедя (*der Schwan*), орла (*der Adler*) и голубей (*die Tauben*). Это три разных формы существования, являющие собой те самые «мелодии жизни».

Стихотворение Шлегеля начинается монологом Лебедя, который заявляет о своей «божественной природе»: его тихая жизнь чертит на воде исчезающие круги, неизменным остается лишь горделивое отражение самого лебедя, которого «ободряет голубизна ясного воздуха» («*Mich erquickt das Blau der heitern Lüfte*»), он вспоминает о том, как он «вокруг лона Леды обвился» («*Hab' ich mich um Leda's Schoß geschlungen*»). Лeda в греческой мифологии была возлюбленной Зевса, который являлся ей в виде лебедя. С разрешения Аполлона («*Von Apollos Winken eingeladen*»), он может купаться в сладкозвучных волнах его песни, припадать к его стопам («*Ihm geschmiegt zu Fußën*»). Но сердечная тоска Лебедя влечет его к иной жизни в небесной стране («*Und mich zieht ein innig rührend Sehnen / Aus der Heimat in ein himmlisch Land*»).

Иное начало являет собой Орел, также находящийся в родстве с богами («*Ich bin mit den Göttern verwandt*»). Он всегда там, где охота, борьба и сила («*Bei Jagd und Kampf und Gewalt*»). Распластав крылья, Орел летит к бессмертному солнцу и ликует во время грозы («*Ich jauchze daher in Gewittern*»), сидит у трона Юпитера («*Ich throne bei Jupiters Sitze*») и по мановению руки бога приносит ему молнии («*Er winkt und ich hol' ihm die Blitze*»).

Скорее всего, именно «Мелодии жизни» Шлегеля послужили толчком к написанию Тютчевым стихотворения «Лебедь». Исходя из самого названия становится очевидной симпатия автора к Лебедю, эту симпатию подтверждают также строки: «Пускай орел за облаками...», «но нет завиднее удела, о лебедь чистый, твоего...». Позиция немецкого романтика в стихотворении «Мелодии жизни» не ясна, в тютчевском «Лебедь» – напротив, слышится голос автора, который, пересказывая некоторые моменты стихотворения Шлегеля, создает стихотворение-кредо Тютчева-славянофила (восток), лишённого байроновского титанизма (запад). У русского поэта «всезрящий сон»

Лебедя противопоставлен неподвижным, ослепленным солнцем очам Орла. В этом нет никаких различий с философией Шеллинга, проповедовавшего интуитивное постижение макрокосмоса через микрокосм. Представляется, что созерцание – путь духовного развития самого автора. Божество одело Лебедя своей стихией и наделило проникновением в высшие тайны бытия и природы.

Сравним некоторые строки двух стихотворений.

Лебедь	Lebensmelodien
Пускай орел за облаками Встречает молнии полет И неподвижными очами В себя впивает солнца свет.	Er winkt und ich hol' ihm die Blitze («по мановению его, я молнии ему несущу») ... Ich wandle die Flügel mit Wonne Schon früh zur unsterblichen Sonne («с утра я направляю свой полет блаженный к бессмертному солнцу»)
Но нет завиднее удела, О лебедь чистый, твоего – И чистой, как ты сам, одело Тебя стихией божество.	Von der sel'gen Götterkraft durchdrungen («пронизан силой божества»)
И полной славой тверди звездной Ты отовсюду окружен.	Ahnend voll betracht' ich oft die Sterne, In der Flut die tiefgewölbte Ferne («предчувствиями полон, в прилив я созерцаю звезды и свод глубокой дали»).

чева «Альпы» (1830) [8, с. 61], где день и ночь изображены как два противоположных и враждебных друг другу начала. Ночь в этом стихотворении, в противоположность «Лебедю», синонимична смерти, у Альп – «падших царей» – в ночи «помертвелые очи» грозят «льдыстым ужасом». И только с зарею гибельным чарам ночи приходит конец, а «цари» воскресают. Противопоставление дня и ночи у Тютчева, по мнению С. Франка [10, с. 62], выражает дуалистический пантеизм, неразрывную связь между телесным и духовным, между мертвым и живым, поскольку единая божественная жизнь проникает собою без остатка все сущее и всякая индивидуальная обособленность является лишь призрачной, лишенной метафизической опоры. Таким образом, мы видим оба божественных начала, прекрасных и привлекательных, чья двойственность имеет общую пантеистическую основу.

В понимании этой основы Тютчев и немецкие романтики оказываются учениками средневекового мистика Якоба Беме. И Беме, и Шеллинг усматривали хаос, темное, бесформенное, роковое начало в пределах самого Божества; вселенское бытие внутренне двойственно, так как двойственность принадлежит к самому всеединству, как день и ночь, восток и запад в своей разделенности и враждебности связаны между собою в природе.

Д. И. Чижевский в своей статье «Тютчев и немецкий романтизм», анализируя стихотворения немецких поэтов-романтиков, отмечает, что из 275 стихотворений Тютчева 57 или каким-то образом связаны с но-

Сравнение двух стихотворений показывает общность их мотивов и позволяет предположить, что стихотворение «Мелодии жизни» Шлегеля было взято за основу тютчевского «Лебедя».

Не день, а ночь, воспеваемая и немецкими романтиками, «полная славой звездная твердь» становится божественной стихией, открывающей Лебедю сакральные первоосновы бытия. Противопоставление дня и ночи встречается и в стихотворении Тют-

чью, или же ночной пейзаж выступает в них предметом изображения, фоном. Чижевский прослеживает соотношение между Тютчевым и немецкими поэтами-романтиками – Шубертом, Новалисом, Тиком, Эйхендорфом и приходит к выводу, что духовной атмосферой Тютчева была атмосфера романтизма.

Из двух лейтмотивов, которые звучат в «ночной философии» немецкого романтизма: ночь – фон для фантазии и ночь – доступ к вечной сути бытия Вселенной, у Тютчева присутствует только второй.

Романтики избегают дня, и ночь – объект их тоски (Sehnsucht): «Неужели скоро настанет утро? Неужели власть земного никогда не кончится? Пагубная суетливость пожирает божественный приход ночи», – приводит цитату из Новалиса с переводом на русский язык Чижевский.

Jetzt ist es licht und klar,
Sonne nicht steigen mag,
Wünschet den ganzen Tag,
Ich muss im Dunklen sein.
Siet so verschlafen drein,
Dass wieder Nacht möcht' sein.
(«Теперь светло и ясно,
Солнце не хочет взойти, хочет,
Хочет, чтобы весь день я был в темноте.
Сонно смотрит вокруг,
Что снова наступит ночь».)

Тютчеву также «ненавистен» день, утверждает исследователь, и в подтверждение приводит строки из стихотворения Тютчева:

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, клики
Младого, пламенного дня.

Тютчевская ночь приподнимает занавес природы,
скрывающей от нас все тайны:

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.

После того, как упал занавес, перед нами пред-
стает тайна мироздания – «царство духов», «бездна»,
«хаос» –

Живая колесница мироздания

Открыто катится в святилище небес [8, с. 35].

Понятно, почему Тютчев называет темную ночь –
сияющей¹.

Немецкой романтической поэзии не чужд этот осо-
бенный образ дня как что-то прикрывающего от нас
занавеса. У Тика «занавес прикрывает от нас сущ-
ность явлений», «видимое» сравнивается с «ковром»,
открытие правды – со свертыванием этого ковра.
Именно день прячет от нас суть вещей:

Der neidische Tag wirft seinen Mantel uber,
Verhüllt... das glorreiche Licht.

(«Завистный день покрыл своим плащом... Про-
славленный свет») [4, с. 615].

Не исключено, что этот образ связан с архетипом
«свиток жизни»² и восходит к Откровению, отмечает
К. Г. Исупов: «у Иоанна Богослова картина финальной
катастрофы мира начинается свертыванием, “свитием”
суетного пространства дальнего мира: “И небо скры-
лось, свившись как свиток” (Ап. 6: 14)» [6, с. 10].

Философы романтизма характеризуют ночь как от-
кровение извечного: ночь – провозвестница святых
миров, она стала, по выражению Новалиса, «могуще-
ственным лоном откровений» (цит. по: [4, с. 617]).

Далее Чижевский отмечает, что языком ночного
откровения является звездное небо. «Когда тело объято
ночью, душой управляют и играют силы высшего,
далекого звездного неба» (Шуберт, цит. по: [4, с. 617]).

У Эйхендорфа ночь предстает великим небесным
храмом, над куполом которого «прячут миры, как при-
чудливые иероглифы». «Святые лики звезд сияют
одиноко в вышине» (Эйхендорф, цит. по: [4, с. 617]).

У Тютчева звездное небо – «возвышенная сторо-
на природы», глубина, «бездна», «безымянная щель
бездны»:

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены [8, с. 42].

Немецкий романтик Л. Тик психологически объяс-
няет воздействие ночи на душу: «Мрак преображает

и смешивает очертания всех видимых предметов и
переносит нас в чужой, до этого непонятный мир.
Тогда в нашей душе пробуждается предчувствие, что
все наше знание, все наше счастье – лишь только
пустой, глухой хаос»; «я не хочу погрузиться в ужа-
сающую ночь, из которой поднимаются волны (die
Schauer), и так сильно охватывают слабое человечес-
кое сердце, что почти разбивают его» [4, с. 623].

Ночью все тайные мысли встают из глубины души,
где они скрывались от дневного света, из «ночи бес-
сознательной жизни», из мира снов, «так как су-
мерки ночи предназначены для того, чтобы давать
бессознательному определенную власть над осознан-
ным» (Карус, цит. по: [4, с. 617]).

Ночной хаос близок доисторическому хаосу, из
которого когда-то возник Космос. Тютчев, в отличие
от романтиков, не боится «погружения в ночь».

С. Франк в своей работе «Космическое чувство в
поэзии Тютчева» [10] указывает на то, что подлин-
ный смысл ночного начала – уничтожение, бездна,
хаос, без прохождения которых невозможно слияние
с беспредельным, с истинной жизнью. Свет и радость
дают человеку непосредственно почувствовать раз-
литое в природе божественное начало; но лишь через
соприкосновение с тьмой человек осознает всю глу-
бину пропасти, отделяющей Божественную космичес-
кую жизнь от призрачной человеческой. Именно по-
этому Тютчев не только не боится этого уничтоженья,
но и желает смешаться с «миром дремлющим».

Ю. Н. Тынянов, указывая на близость поэзии Тют-
чева и немецких романтиков, отмечает, что краткость
стихотворений поэта восходит к художественной фор-
ме фрагмента, который был осознан на Западе роман-
тиками и «канонизирован Гейне» [11, с. 414]. Обра-
щаясь к исследованиям Тынянова, указавшего в ста-
тье «Архаисты и новаторы» на сходство формы лири-
ки Тютчева и Юстинуса Кернера, Чижевский согла-
шается с его утверждением, что форму антологичес-
кого стиха, в которой часто писал Тютчев, можно
найти у швабского романтика, но более близкого род-
ства этих двух поэтов Чижевский не видит [12,
с. 382]. О некотором сходстве мотива ночи у Тютче-
ва и Кернера [13] свидетельствуют несколько стихот-
ворений: «Ночные голоса» Тютчева и «Mitternachts-
glocke» (Полночный звон) Кернера. Типичную для
Тютчева «философию ночи» можно встретить у Кер-
нера в стихотворении «Sonnenlaut» (Солнечный звук).
В этой связи Чижевский сравнивает тютчевские «Ви-
дение», «Святая ночь» и «Um Mitternacht» (В полночь)
Кернера. Близость мотивов он обнаруживает в сти-
хотворениях Тютчева «Осенний вечер», «Осенней по-
здней порою...» и «Herbstgefühl» (Осеннее чувство)
Кернера в описании красоты осени. Тень – мотив сти-
хотворения Кернера «Möglichkeit» – присутствует и в

¹ В других местах у Тютчева ночь названа «триумфальной». Иногда у поэта «на мир ночной спустилась завеса».

² Ср. со стихотворением Тютчева «Сон на море»: «Сей дивный мир лежит развитый перед ним».

стихотворениях Тютчева «В разлуке...», «Как дымный столб...», «Е. Н. Анненковой», «Святая ночь...». Ближе к тютчевскому «Люблю грозу в начале мая...» стихотворение Кернера «Im Grase» (В траве).

В итоге исследователь приходит к мнению, что сходные черты творчества Тютчева и Кернера можно проследить только в нескольких стихотворениях, он не находит в творчестве двух поэтов каких-либо философских параллелей.

Нельзя не согласиться с Чижевским. Вся лирика Кернера проникнута меланхоличным желанием вернуться в лоно природы, которую он воспринимает как лекарство от горестей познания. Исследователи его творчества и биографы отмечают, что Кернер, проникнутый духом романтизма, писавший лишь о пережитом и прочувствованном, не был выдающимся поэтом. Его стихотворения не отличаются изяществом формы и глубоким философским смыслом. Характерным для швабского романтика является стихотворение «Sehnsucht» («Желание»):

O könnt' ich einmal los
Von all dem Menschentreiben,
Natur! in deinem Schoß
Ein herzlich Kind verbleiben!
(«О, если бы я смог однажды
От человеческой возни бежать
И в твоём, природа, лоне
счастливым ребенком остаться!»)

Немецкий поэт восторгается природой, поет хвалебные песни первой весенней зелени, соловьям и цветам.

Nur junges Grün ans Herz gelegt,
Macht, daß mein Herz stiller schlagt.
(«Лишь зелень юная, к сердцу прижатая,
сердце стук умиряет.»)

Несмотря на переключку ряда мотивов, лирика Кернера лишена того философского содержания, ко-

торым изобилуют стихотворения Тютчева. В поэзии швабского романтика смысл лежит на поверхности, в ней нет тютчевского космизма, слабо выражена гражданская позиция лирического героя, стихотворения проникнуты сентиментальностью, поэтому говорить о каком-либо сходстве, кроме формы стиха, представляется неуместным.

По меткому замечанию К. Г. Исупова, Тютчев пытается в Западе увидеть Россию, и наоборот: в его поэтическом сознании культуры бессознательно «цитируют друг друга» [6, с. 20].

Подводя итог, стоит отметить, что при всей схожести мотивов, мировоззренческих установок той эпохи, существует определенная разница между романтизмом Тютчева и немецким романтизмом. Тютчев меньше чувствует «субъективистский» мотив романтической мысли, у него не встретишь прославление свободного Я, ту объединяющую всех немецких романтиков идею, что мир – лишь отражение нашего Я. У русского поэта сильнее преданность, приверженность абсолютному. Страх перед хаосом, перед саморастворением выражен у Тютчева менее остро, чем у немецких романтиков. Напротив, он отдается вселенной, так как не абсолютизирует свою личность. Может быть, это желание объяснимо не столько философией Шеллинга, сколько русской ментальностью. Ведь существенная черта русского философствования и поэзии как «органа» философии – онтологизм, т. е. убеждение, что сознание не только постигает бытие, но является его структурным, сущностным элементом. Для лирики Тютчева, да и всего русского мышления характерно, что духовная жизнь человека рассматривается как связанная с космическим бытием реальность. Во всяком случае, очевидно, что немецкая философская поэзия стала у Тютчева точкой отсчета для развития его национального самосознания.

Список литературы

1. Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Ф. И. Тютчев: pro et contra / сост., вступ. статья и коммент. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2005. С. 438.
2. Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Там же. С. 824–862.
3. Чагин Г. В. Ты, ты мое земное провиденье. Роман в письмах. М.: Книга и бизнес, 2002. 470 с.
4. Чижевский Д. И. Тютчев и немецкий романтизм // Ф. И. Тютчев: pro et contra / сост., вступ. статья и коммент. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2005. С. 608–633.
5. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 2. М., 1995. 280 с.
6. Исупов К. Г. Ф. И. Тютчев: поэтическая онтология и эстетика истории // Ф. И. Тютчев: pro et contra / сост., вступ. статья и коммент. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2005. С. 7–43.
7. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
8. Тютчев Ф. И. Лирика. М.: Эксмо, 2007. С. 384.
9. URL: <http://zeno.org> (дата обращения: 29.05.2010).
10. Франк С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Таинник ночи. М.: Жизнь и мысль, 2008. С. 30–76.
11. Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Ф. И. Тютчев: pro et contra / сост., вступ. статья и коммент. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2005. С. 408–425.
12. Źyževskýj D. Tjutčev und Justinus Kerner // Zeitschrift für slawische Philologie. Band X. Leipzig: Markert und Peters Verlag. 1933. S. 380 – 384.
13. URL: <http://www.guenther-emig.de> (дата обращения 29.05.2010).

Кириенко Н.Г., ст. преподаватель.

**Юргинский технологический университет, филиал Национального университета
ресурсоэффективных технологий.**

Ул. Ленинградская, 26, г. Юрга, Кемеровская область, Россия, 652055.

E-mail: chen@mail.ru

Материал поступил в редакцию 21.05.2010

N. G. Kirienko

F. I. TYUTCHEV'S POETRY AND PHILOSOPHY OF GERMAN ROMANTICISM

In this article the influence of German romanticism and German philosophy on F. I. Tyutchev's works is described. Based on materials of researchers of Tyutchev's works S. Frank, D. Chizhevsky, Y. Lotman etc. analogies Tyutchev's poetry to philosophy of Schelling, to the poetry of German poets-romanticists (Shlegel, Eihendorff, Tic, Kerner) are analyzed.

Key words: *F. I. Tyutchev, german romanticism, lyrics, philosophy.*

Yurga Institute of Technology of National University of Resource-Effective Technologies.

Ul. Leningradskaya, 26, Yurga, Kemerovskaya oblast, Russia, 652055.

E-mail: chen@mail.ru